

8. *Wapinski R. Miejsce ziem wschodnich Rzeczypospolitej przedrozbiorowej w polskiej świadomości politycznej lat 1864–1918. S. 49.*

«МИНСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.

Е. Г. Луферчик

«Губернским ведомостям» принадлежит особая роль в процессе формирования легальной периодической печати не только в Минской губернии, но и во всей Российской империи. Благодаря их изданию, начатому еще в 1838 г., был заложен фундамент для развития системы белорусской журналистики. Газета способствовала становлению и развитию провинциальной интеллигенции, аккумулировала ее творческий потенциал, не только отражала, но и формировала общественное мнение.

10 января 1863 г. [1] в Варшаве началось восстание, получившее название Январского. В этот день польский Центральный национальный комитет опубликовал воззвание, в котором призывал население к оружию и объявлял «всех сынов Польши без различия веры, племени, происхождения и сословия» свободными и равноправными гражданами [2]. В течение десяти дней Литовский провинциальный комитет издал свои манифесты, в которых соглашался с программными документами Центрального комитета и призывал население западных губерний поддерживать восстание [3]. Восстание охватило территории Царства Польского, литовско-белорусских и украинских губерний Российской империи.

Цель статьи – проанализировать содержание «Минских губернских ведомостей» в период восстания 1863–1864 гг., определить их роль в информировании населения губернии и формировании общественного мнения, выявить функции, которые выполняла газета в процессе сдерживания и подавления восстания в регионе. Для достижения цели было изучено 102 из 104 номеров газеты за 1863–1864 гг., хранящиеся в библиотечном зале Национального исторического архива Беларуси. В подшивке газет отсутствуют № 25 от 21 июня 1863 г. и № 37 от 11 сентября 1864 г., а №№ 27, 28 и 45 за 1864 г. представлены без неофициальной части второго отдела.

В качестве объекта исследования нас интересовали любые публикации (сообщения о «высочайших постановлениях», правительственные указы, объявления и извещения губернского правления, «всеподданнейшие письма», публицистические статьи, местная кор-респонденция, «перепечатки» и пр.), в которых тем или иным образом затрагивалась проблематика восстания 1863–1864 гг. Число таких публикаций в рассматриваемый период составило около ста.

Для выявления связи между опубликованным на страницах «Минских губернских ведомостей» материалом о восстании 1863–1864 гг. и событиями самого восстания, была составлена диаграмма соотношения количества публикаций и частоты событий (см.: Рисунок). Географические рамки восстания в исследовании ограничены территорией Виленского генерал-губернаторства, поскольку Минская губерния в 1862–1870 гг. входила в его состав [4]. Так как газета издавалась еженедельно по пятницам, минимальной временной категорией анализа была выбрана неделя, включавшая дни с пятницы по четверг. Соответственно, все события восстания на территории Виленского генерал-губернаторства также были сгруппированы по неделям (с пятницы по четверг). Сведения о событиях восстания на территории Виленского генерал-губернаторства взяты из интерактивной карты «Канстанцін Каліноўскі і паўстанне 1863–1864 гадоў», созданной инициативой «Беларуская Нацыянальная Памяць» [5].

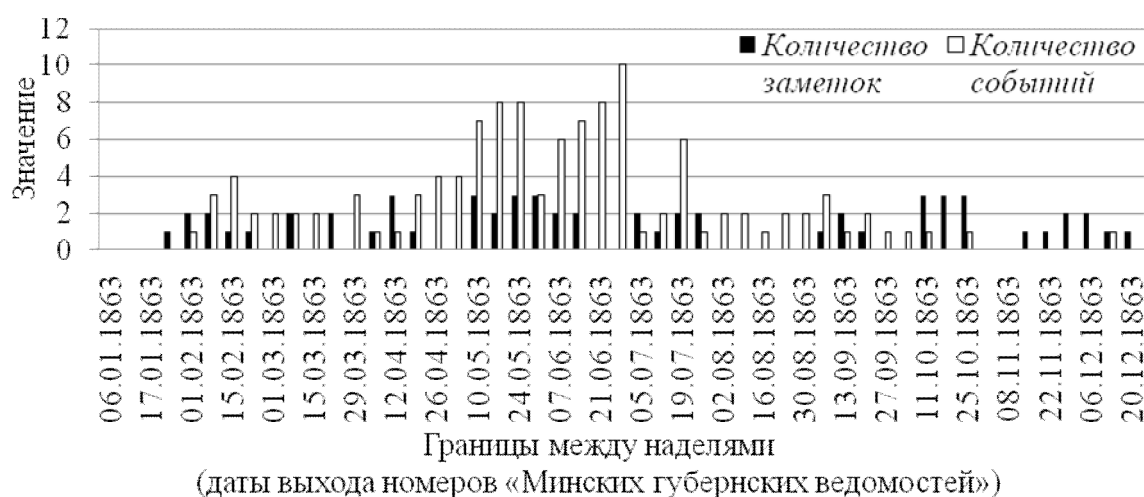

Рис. Соотношение количества материала о восстании 1863–1864 гг. на страницах «Минских губернских ведомостей»

и частоты событий восстания в Виленском генерал-губернаторстве (1863 г.)

Данные, представленные на рисунке, свидетельствует, что публикации, затрагивавшие различные стороны восстания, появлялись на страницах газеты во время или сразу после периодов наибольшей активизации деятельности повстанческих отрядов. Так, например, начало восстания и первые вооруженные столкновения сопровождалось постоянным присутствием «повстанческой проблематики» на страницах газеты во второй половине января – первой половине февраля, а рост вооруженных конфликтов с середины апреля до конца мая, их всплеск до десяти боев за неделю в июне, спровоцировали «присутствие восстания» в газете во второй половине мая – середине июня и в июле 1863 г. Таким образом, можно сделать аргументированный вывод о том, что газета дей-

ствительно являлась инструментом реакции губернского начальства на события восстания и формирования общественного мнения.

Страницы «Минских губернских ведомостей» с первых дней восстания использовались официальными властями для информирования общественности о принимаемых мероприятиях для подавления «мятежа», предотвращения массового участия населения в нем и демонстрации последствий «мятежнических действий». «По случаю возникших [...] в Царстве Польском беспорядков, угрожающих сопредельным с оным губерниям» уже в № 4 от 25 января 1863 г. был опубликован рескрипт императора Александра II на имя Виленского генерал-губернатора В.И. Назимова. Монарх «временно облакал» В.И. Назимова особой властью: придавать военному суду и приводить приговоры без их конфирмации в отношении зачинщиков беспорядков или «предводителей мятежнических шаяк», создавать чрезвычайные комиссии по рассмотрению дел и определению степени виновности лиц, «взятых с оружием в руках, изобличенных в содействии мятежникам». Этими же полномочиями наделялись военные генерал-губернаторы, а где их не было, начальники дивизий.

Местные власти использовали «Минские губернские ведомости» для оперативного информирования населения губернии, в первую очередь дворянства, о принятых ими решениях, а также вводимых ограничениях или запретах. Для предотвращения возможной поддержки «мятежа» со стороны участников восстания 1830–1831 гг. в № 5 за 1863 г. был опубликован специальный указ. Он предусматривал освобождение от конфискации имений и капиталов бывших участников восстания 1830–1831 гг. «Начальники» губернии неоднократно обращались со страниц «Минских губернских ведомостей» к населению, требуя «верности данной государю императору клятве», исполнения «верноподданнического долга», «сопротивления злонамеренным проискам мятежников», «охранения общественного порядка». Обращаясь к крестьянам, В.И. Назимов напоминал им о дарованной императором отмене крепостного права. Он подчеркивал, что содействие крестьян в поимке «злоумышленников» будет способствовать скорейшему открытию поверочный комиссий и облегчению их доли (1863, № 8). Дворянству и помещикам запрещалось отлучаться из своих имений без особого разрешения властей, проводить какого-либо рода собрания и съезды, какие бы цели они не преследовали (1863, № 5). Домовладельцам и держателям постоялых дворов предписывалось сообщать в милицию о появлении «бродяг», «подозрительных лицах и нарушителях общественного порядка», одевавшихся «преимущественно в польские национальные костюмы, в шапки, называемые конфедератками, и пояса с металлическими пряжками» (1863,

№ 6). Сельским обществам следовало удерживать проживавших на их земле шляхту, однодворцев, разночинцев, а также помещичью прислугу и «дворовую челядь» от участия в «мятеже» или содействия ему (1863, №№ 6, 28). За нарушение предписаний грозили лишения званий и сословных достоинств, расквартирование военных частей в домах нарушителей, наказания в соответствии с военным полевым уставом, административные взыскания. На имения участников «мятежа» налагались секвестры (1863, № 19). Газета также оперативно сообщала о введении военного положения в Слуцке, Пинске, Новогрудке, Мозыре и их уездах (1863, №№ 10, 12), а затем и во всей Минской губернии (1863, № 22).

С апреля 1863 г. в «Минских губернских ведомостях» печатались письма императору Александру II от имени различных групп населения в выражении «верноподданнических чувств». Эти письма, как правило, перепечатывались из газет «Северная почта» или «Голос». Из обывателей Минской губернии на страницах газеты свои чувства императору выразили дворяне (1863, № 41), еврейское общество и жители Бобруйска (1863, № 20). Уже в октябре 1863 г. на страницах «Минских губернских ведомостей» вместо самих писем публиковались сообщения о «высочайшей благодарности» императора за выражение ему «верноподданнических чувств». Такой благодарности удостоились, например, дворяне Минской губернии, чиновники Слуцкого уезда, еврейские общества Мозырского, Несвижского, Игуменского, Слуцкого, Борисовского и Бобруйского уездов, а также Минска, Пинска и Новогрудка, жители Речицы, Несвижа и Петрикова, татары Смилович, крестьяне некоторых волостей Новогрудского, Слуцкого и Борисовского уездов (1863, №№ 42, 47, 48, 50; 1864, №№ 3, 5, 18, 23, 51). Именно еврейское население губернии наиболее активно проявило себя в выражении «верноподданнических чувств». Как сообщала «перепечатка» из «Санкт-Петербургских губернских ведомостей», литовские евреи не имели с поляками других связей, кроме коммерческих, и не питали к ним симпатию. Евреи в регионе «инстинктивно чувствуют своего недоброжелателя, от которого нужно держаться подальше». Евреям было легче ужиться с русскими, потому что они «народ простей» и «не политикуют» (1863, № 20).

Более чем в тридцати номерах газеты содержались объявления о вынесенных губернским руководством решениях по делам участников восстания. Первое такое объявление появилось в № 21 от 24 мая 1863 г. на русском и польском языках. Оно сообщало о расстреле ксендза Вивиорского костела Лидского уезда Р. Земацкого и дворянина этого же уезда А. Лесковича. Анализируя содержание подобных объявлений, можно прийти к выводу, что основными формами наказания были: расстрел и повешение (для организаторов повстанческих отрядов и их активных

участников), ссылка на каторжные работы на рудники и заводы, ссылка в Тобольскую или Томскую губернии на жительство, разжалование и зачисление в рядовые или арестантские роты, лишение сословных привилегий и имущества. Лица в возрасте до 16 лет, принявшие участие в «мятеже», обычно зачислялись рядовыми в Сибирский линейный батальон (1863, № 42). В то же время, публиковались списки лиц, добровольно сдавшихся властям, и в отношении которых были применены «мягкие» наказания (1863, № 52; 1864, № 4), а также списки лиц, награжденных медалями за содействие «истреблению мятежнических шаек» и за преданность правительству (1864, № 13).

«Минские губернские ведомости», влияя на общественное сознание, представляли на своих страницах возмущенные мнения обывателей о «разрушительной стихии мятежа», о посягательстве на целостность и, следовательно, на «жизнь России» (1863, №№ 15, 18, 23; 1864, № 8). Все выразители такого мнения называли истинной целью восстания возрождение «польских границ 1772 г.». Автор-«очевидец» перепечатанной из «Северной почты» статьи, назвал причинами не только восстания, но и всего польского вопроса, «олигархическое господство Польши», «проповедование ополчения на русских варваров» со стороны либеральной западной печати, дипломатическое вмешательство европейских государств (1863, № 19). В последнем номере 1863 г. и первых пяти 1864 гг. были опубликованы выдержки из брошюры П.Ж. Прудона «*Si les traites de 1815 on cesse d'exister?*», в которых полностью развеивалось мнение о праве поляков на самостоятельное от России существование.

Отдельной темой, органично связанной с проблематикой восстания, являлся вопрос о греко-католической униатской церкви. В газете была опубликована целая подборка документов, раскрывавших отношение к униатам со стороны католического и православного духовенства (1864, №№ 9–15), также печатались «слова» священнослужителей в годовщины воссоединения униатской церкви с православной (1863, № 24; 1864, № 17). Целью всех этих публикаций было удержать крестьян от участия в восстании, изобличить коварство поляков и католиков.

Таким образом, «Минские губернские ведомости» были основным инструментом в руках губернского правления для формирования общественного мнения о восстании 1863–1864 гг. Газета выполняла важную функцию по сдерживанию восстания, оперативному информированию населения о принимаемых губернским чиновничеством решениях. Она демонстрировала потенциальным участникам восстания строгость тех мер, которые повлечет их «мятеж». Появление проблематики восстания на страницах газеты прямым образом зависело от активности действия повстанческих отрядов в регионе.

Литература

1. Все даты в статье приведены в соответствии с юлианским календарем, который использовался в Российской империи.
2. История Польши: в 3 т. / Под. ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. М., 1955–1958. Т. 2. 1955. С. 126.
3. Воззвание Литовского провинциального комитета (Комитета движения) к жителям Литвы и Белоруссии с призывом к восстанию. Между 10 и 20 января 1963 г. // Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Документы и материалы / Редкол.: В. Дьяков, В. Жигалов [и др.]. М., 1965. С. 1; Манифест Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии о наделении крестьян землей. 20 января 1863 г. // Там же. С. 3.
4. *Зенчанка С.* Усталяванне расійскай сістэмы кіравання // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / Рэдкал. А.А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2011–2012. Кн. 1. 2011. С. 68.
5. Канстанцін Каліноўскі і паўстанне 1863–1864 гадоў / Беларуская нацыянальная памяць // Интернет-адрес: <https://maps.google.com/maps/ms?msa=0&msid=205047460038261238731.0004d06f8475ad3b3560e&ie=UTF8&t=m&source=embed&ll=53.723946,26.748898&spn=4.659762,8.492302&iwloc=lyrfr:msid:205047460038261238731.0004d06f8475ad3b3560e,0004d1fc561c90a307e21,,,0,-21>.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЛИВОНИИ XIII в.: ПРОБЛЕМА САМОВОСПРИЯТИЯ МИССИОНЕРОВ, МОНАХОВ И РЫЦАРЕЙ

Ф. Д. Подберёзкин

Актуальность нового подхода. Ещё великий французский историк Марк Блок говорил о том, что пространством для истории является человеческая жизнь, человек или люди в обществе [1, с. 9]. Начиная своё исследование, мы отдавали себе отчет в том, что поиск некоего «нового образца» средневекового человека в течение столетий, а уж тем более конкретно избранного периода двух десятков лет христианизации Ливонии был бы чистейшей интеллектуальной фикцией, т.к. универсального «средневекового человека» не было никогда. Мы предложили, заняв позицию «стороннего наблюдателя», выяснить, как участники событий начала XIII в. воспринимали себя сами, было ли нечто общее между их самовосприятием и тем, о чем писали хронисты, и содержанием папских посланий, являлась ли Библия только теоретическим базисом для интеллектуальных построений хрониста либо была действительным фактором воздействия на умы пилигримов (пилигримы – сборное самоназвание миссионеров, монахов и рыцарей – участников крестовых походов). Подобные вопросы в той или иной мере затрагивались в исследованиях, посвященных походам в Палестину. Однако крестоносцы Ливонии не были «идентичны» тем, кто отвоёвывал Гроб Господень у мусульман. В